

На правах рукописи

СМОЛЕНСКАЯ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**НЕНАДЕЖНАЯ НАРРАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ
ПОВЕСТВОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА)**

Специальность 5.9.3. – Теория литературы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара – 2026

Работа выполнена на кафедре литературы, журналистики и методики обучения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ).

Научный руководитель: **Абрамовских Елена Валерьевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Официальные оппоненты: **Гримова Ольга Александровна**, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Федунина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела «Литературное наследство» ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет»

Защита состоится «18» июня 2026 г. на заседании диссертационного совета 24.2.366.06 (филологические науки), созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6, а также на сайте РГГУ: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Smolenskaya_MA_201.pdf

Автореферат разослан «12 » мая 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Ю.В. Подковырин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Термин «ненадежный нарратор» вошел в научное поле нарратологии благодаря работе У. Бута «Риторика художественной литературы» (1961). На современном этапе проблематизация ненадежной наррации произошла в работах А.В. Ждановой, Г.А. Жиличевой, Е.Ю. Моисеевой.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью уточнения определения ненадежного нарратора, маркеров ненадежности и типологии ненадежных нарраторов с использованием методологического аппарата теоретической и исторической нарратологии. Актуальность определяет и выбранный материал исследования. Применение теоретической и исторической нарратологии позволяет глубже изучить повествовательные практики русской классической литературы. В результате такого подхода русская литература XIX века получает иное осмысление: выявляются ценностные аспекты нарраторов русской классической литературы, новые смыслы детально изученных текстов, показано, как формируется художественное мышление через экспериментальную повествовательную форму. Ненадежная наррация выступает как ключевая категория, подвергающая сомнению традиционные представления о достоверности, правдивости повествования, о границах художественного вымысла.

Степень научной разработанности проблемы. Особенности повествования ненадежного нарратора и типы ненадежных нарраторов изучались в зарубежном литературоведении У. Бутом, У. Ригганом, Д. Филаном. На современном этапе Д. Шэнь систематизировала исследования в области ненадежной наррации и выделила два подхода к изучению ненадежности нарратора – риторический, рассматривающий ненадежную наррацию через категорию имплицитного автора (С. Чэтмен, С. Риммон-Кенан, Г. Олсон), и когнитивный, исследующий специфику читательской рецепции произведений с ненадежным нарратором (А. Нюннинг, Т. Якоби).

На сегодняшний день существуют работы, изучающие ненадежного нарратора как в синхронии, так и в диахронии. В отечественном литературоведении значимыми оказываются исследования А.В. Ждановой, предложившей рассматривать ненадежность на «личностном, интертекстуальном и нарративном уровнях». В диссертации мы опираемся на открытия Г.А. Жиличевой в сфере ненадежной наррации: формы и функции ненадежного нарратора, паратекстуальность как маркер ненадежности. Изучение русской литературы XIX века показывает, что паратекстуальность становится постоянным маркером ненадежности нарратора.

С точки зрения диахронии ненадежный нарратор изучался в работах А.В. Ждановой, Е.Ю. Моисеевой. А.В. Жданова считает, что ненадежность появляется в психологических романах с элементами готики начала XIX века и в детективных произведениях. Однако русская литература XIX века показывает, что ненадежная наррация появляется не только в психологических (например, в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») и детективных текстах (повесть А.П. Чехова «Драма на охоте»), но и в текстах с полисубъектной нарративной структурой («Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина), в эпистолярном дискурсе (традиция «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя, продолженная Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, в неклассической парадигме художественности – Л.Н. Андреевым). Жанровое «право» на ненадежную наррацию имеет новелла, где финальный поворот сюжета – пуант – способен изменить впечатление от рассказанной истории. Подобные случаи ненадежной наррации можно найти в новеллистике В.Я. Брюсова. Явление ненадежной наррации оказывается более древним и ее генезис можно усмотреть в «я-наррациях», описанных О.М. Фрейденберг.

С позиций исторической нарратологии ненадежную наррацию исследовала Е.Ю. Моисеева. Анализ русской литературы позволил исследователю доказать энигматичность ненадежного рассказчика, его связь с фигурами остранения, умолчания, тайны и загадки. Однако в данном

исследовании доказывається, что интригой текстов с ненадежной нарративной становится не только энигматическая. Адресату нарративной обращены две интриги – сложная «спаянность» энигматической интриги и интриги слова.

Анализ исследовательских работ показал, что дефиниция ненадежного нарративной, маркеры ненадежности, типология ненадежных нарративной требуют уточнений.

Методологические и теоретические основы диссертации.

Теоретической базой исследования стали работы ученых, разрабатывающих инструментарий нарративной (Ж. Женетт, В. Шмид, В.И. Тюпа). Значимыми стали исследования в области ненадежной нарративной, предпринятые зарубежными (У. Бут У. Ригган, С. Чэтмен, Д. Филан, А. Нюннинг, Г. Олсон, Т. Якоби, С. Риммон-Кенан, Д. Шэнь) и отечественными (А.В. Жданова, Г.А. Жиличева, Е.Ю. Моисеева) литературоведами. Для анализа ненадежности нарративной в диахроническом аспекте применялся научный аппарат исторической и сравнительной нарративной, разработанный В.И. Тюпой.

Объект исследования – ненадежная нарративной как проблема теории повествования.

Предмет исследования – функционирование ненадежной нарративной в русской литературе XIX века.

Цель исследования – выявить специфику ненадежной нарративной на материале русской литературы XIX века.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Определить теоретические основы категории ненадежной нарративной;
2. Выявить маркеры, определяющие нарративной текста как ненадежного;
3. Разграничить ненадежность нарративной относительно референтного и коммуникативного событий;
4. Выявить тенденции ненадежной нарративной в русской литературе XIX века;

5. Определить традиции ненадежной наррации, разработанные русскими писателями XIX века, в произведениях неклассической парадигмы художественности.

Материалом исследования стали произведения русской литературы XIX века. Выбор текстов обусловлен присутствием в них ненадежных нарраторов различных типов, наличием постоянных маркеров ненадежности, принадлежностью к разным жанрам.

Выбор материала исследования определяют открытия в области исторической нарратологии. По мнению Г.А. Жиличевой и В.И. Тюпы, в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А.П.» А.С. Пушкина происходит разделение инстанции имплицитного автора и нарратора. «Повести Белкина» В.И. Тюпа считает первым текстом в русской литературе, где появляется фигура ненадежного нарратора. Нарративный анализ показал, что и в других текстах А.С. Пушкина разрабатывалось повествование от лица наивного рассказчика («Роман в письмах» (1829, опубл. в. 1857), «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830, опубл. в. 1857) и «История села Горюхина» (1830, опубл. в 1837)). Дальнейшее исследование показывает, что его открытия в области ненадежной наррации повлияли на развитие подобных дискурсов в русской литературе. М.Ю. Лермонтов выстраивает нарративную структуру «Героя нашего времени», ориентируясь на «Повести Белкина», о чем свидетельствует полисубъектная нарративная структура и столкновение дискурсов ненадежных рассказчиков. Подобную нарративную структуру можно найти в «Драме на охоте» А.П. Чехова, где вставной текст нарратора Зиновьева обрамляет редактор А.Ч., а оба рассказчика оказываются ненадежными. Обозначенная тенденция ненадежной наррации в русской литературе выдвигает необходимость изучения проблемы нарративного и эстетического завершения подобных текстов.

Другая тенденция ненадежной наррации – ненадежная исповедь – формируется в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Она

развивается в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского и незаконченных «Записках сумасшедшего» Л.Н. Толстого (1884-1886, опубл. в 1912).

Произведения А.П. Чехова показывают процесс перехода от классической художественности к неклассической. Ненадежность нарратора разных типов появляется и в рассказах писателя («Марья Ивановна»), и в повести «Драма на охоте». На рубеже веков механизмы ненадежной наррации усложняются, фигура ненадежного рассказчика становится одной из ключевых тенденций неклассической парадигмы художественности.

Научная новизна диссертационного исследования определяется осмыслением ненадежной наррации как особой повествовательной практики; выявлением маркеров ненадежности нарратора на уровне вербализации наррации, наррации, нарративной истории и нарративной структуры; разграничением ненадежности нарратора относительно референтного и коммуникативного событий.

Теоретическая значимость состоит в разработке методики исследования фигуры ненадежного нарратора на следующих уровнях: вербализации наррации, наррации, нарративной истории и нарративной структуры, что позволяет уточнить механизмы ненадежной наррации. Ненадежность нарратора связана с искажением и трансформацией нарративных функций, определенных М.М. Бахтиным как функции «свидетеля и судии». Применение этого разграничения к ненадежной наррации позволяет определить спектр ненадежности нарратора. В диссертации предлагается новый подход к типологии ненадежного нарратора – относительно референтного и коммуникативного событий. Благодаря проведенному анализу удалось установить, что тексты с ненадежным нарратором отличает сочетание энигматической интриги и интриги слова.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования при разработке лекционных и семинарских занятий в вузовских курсах «Теория литературы», «Практикум по анализу художественного текста», «Нарратология». Изучение русской классической

литературы XIX века с точки зрения ненадежности нарратора позволяет пересмотреть устоявшиеся подходы к анализу обозначенных текстов, что дает основания применять результаты исследования в курсе «История русской литературы XIX века». Выявленные механизмы ненадежной наррации могут быть использованы при нарратологическом анализе текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ненадежная наррация – особая повествовательная практика в русской литературе XIX века.

2. «Главным действующим лицом события» М.М. Бахтин назвал «свидетеля и судию». Ненадежность нарратора вызвана искажением этих нарративных функций. Применение бахтинской формулы к ненадежной наррации позволяет определить спектр ненадежности нарратора: ненадежный свидетель, но надежный судья; ненадежный свидетель и ненадежный интерпретатор; надежный свидетель, но пристрастный судья.

3. Маркеры ненадежности нарратора разграничиваются по четырем уровням: вербализации наррации, наррации, нарративной истории и нарративной структуры.

4. На уровне вербализации наррации выявляются личностные черты ненадежного нарратора как персонифицированного свидетеля, отрефлексированные и потому поименованные в тексте.

5. На уровне наррации такими маркерами становятся пропуски нарративных эпизодов, отсутствие границы нарративного эпизода, моделирование и разыгрывание «возможных» сюжетов, метанарративность.

6. На уровне нарративной истории принцип отбора событий свидетельствует о ненадежности нарратора. Выстраивание нарративной истории дает понимание картины мира нарратора, определяющей масштабы того, что является событием. В условиях ненадежности автор делает очевидной для читателя искаженность картины мира нарратора.

7. На уровне нарративной структуры маркерами становятся полисубъектность и паратекстуальность. Повествовательная структура

строится на противоречивых дискурсах ненадежных нарраторов разных типов. Полисубъектная нарративная структура подчиняет паратекстуальные компоненты: предисловия, примечания и сноски, несколько заглавий, вступающих в сложные диалогические отношения, вовлекают читателя в со-творчество.

8. Ненадежность нарратора разграничивается относительно референтных событий и относительно коммуникативного события. Ненадежность нарратора относительно референтных событий проявляется в недоговаривании, намеренном утаивании значимых подробностей, в сокрытии нарратором эпизодов в наррации, в отказе вербализовать значимое событие, в описании ложного события.

9. Ненадежность нарратора относительно коммуникативного события проявляется в условиях полисубъектной нарративной структуры (столкновение точек зрения на одно событие, противопоставление дискурсов нескольких рассказчиков). Иной вариант – «искажение» события рассказывания, что может наблюдаться вследствие неспособности/неготовности к интерпретации референтных событий, в силу физических или психических ограничений нарратора, малого возраста нарратора.

10. В русской литературе XIX века оформляются две тенденции ненадежной наррации: первая с опорой на «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина, где ненадежность вызвана многоступенчатым завершением, наличием нескольких рассказчиков и противоречивых дискурсов, вторая – в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего», где интрига текста отражает кризис самоидентичности нарратора в условиях эгонарратива.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается аккумулярованием разносторонних теоретических подходов к проблеме ненадежной наррации. Достоверность теоретических результатов

подтверждается апробацией разработанных положений на материале русской литературы XIX века.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования были изложены в ряде научных публикаций, а также обсуждались на конференциях: Конференция с международным участием «Поэтика текста» (Тверь, ТвГУ, 27-28 января 2023 г.); Международная конференция «Белые чтения» (Москва, РГГУ, 19-20 октября 2023 г., 17-19 октября 2024 г.), XXXVIII Зональная конференция литературоведов Поволжья (Самара, СГСПУ, 19 апреля 2023 г.); XXXIX Зональная конференция литературоведов Поволжья (Казань, КФУ, 12-14 мая 2025 г.), Международная научная конференция «Современные пути изучения литературы» (Смоленск, СмолГУ, 14-16 мая 2025 г.), Всероссийская с международным участием научная онлайн-конференция «Традиции и современность в литературе», посвященная памяти С.Н. Бройтмана (Махачкала, ДГУ, 16-17 декабря 2025 г.).

Основные положения работы обсуждались на заседаниях межвузовского научного семинара «Компаративная нарратология» (Москва, РГГУ) под руководством В.И. Тюпы, региональном методологическом теоретическом семинаре «Theoretical studies» (Самара, СГСПУ, Самарский университет).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка источников и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, обосновывается понятийный аппарат, описывается степень изученности вопроса, формируется круг проблем, связанных с темой диссертации.

Первая глава **«Ненадежность нарратора как проблема теории повествования»** носит теоретический характер. Она посвящена выработке методологии исследования ненадежности нарратора. В первом параграфе **«Соотношение категорий “имплицитный автор – нарратор – фокализатор”»** понятие «нарратор» изучается как ключевое для теории повествования, показана его роль в вербализации наррации. Рассмотрены значимые для проведения исследования понятия. Под категорией нарратора, с опорой на определение В.И. Тюпы и Г.А. Жиличевой, понимается субъект нарративного акта, чье сознание определяет событийность истории: он обладает кругозором, точкой зрения и голосом. Нарратор осуществляет процедуру наррации, то есть сегментирует процессуальность бытия на отрезки – нарративные эпизоды. Подобно категории нарратора В.И. Тюпа выделил инстанцию фокализатора – носителя точки зрения в произведении. Разграничение этих категорий позволяет установить, что ненадежность возможна и в наррации, и в фокализации.

Во втором параграфе **«Теоретические аспекты ненадежности нарратора»** исследуется особый тип нарратора – ненадежный, выявляется специфика его повествования в отличие от надежного нарратора. Определять ненадежного нарратора предлагается с точки зрения нарративных функций: ненадежный свидетель, но надежный судья; ненадежный свидетель и ненадежный интерпретатор; надежный свидетель, но пристрастный судья.

Первый случай – ненадежный свидетель, и потому он недоговаривает, умалчивает о значимых подробностях, вплоть до пропуска референтного события в составе наррации и до описания ложного события. Иной вариант – ненадежный свидетель и ненадежный интерпретатор: неверное

свидетельство о событии связано с психической, физиологической, ментальной причинами, которые, как правило, «конструируются» благодаря его дискурсу. Крайняя степень ненадежности проявляется, когда нарратор берёт на себя роль пристрастного судии: он не столько судит, сколько осуждает.

В диссертации разграничивается ненадежная наррация и ненадежная фокализация (термин А.В. Ждановой). Нарратор осуществляет процедуру наррации: сегментирует процесс бытия на отрезки – эпизоды наррации. Он ненадежен, когда в акте наррации происходит слом: его роли «свидетеля и судии» ставятся под сомнение дискурсом. Ненадежная фокализация демонстрирует «зазор» между тем, что находится в кругозоре фокализатора, и тем, что знает нарратор. Таким образом, в случае ненадежной наррации нарратор совпадает с фокализатором. В случае же ненадежной фокализации этого совпадения не происходит. Специфической особенностью текстов с ненадежной наррацией становится сочетание энigmatической интриги и интриги слова.

Данные выводы позволили разграничить маркеры ненадежности нарратора по четырем уровням: вербализации наррации, наррации, нарративной истории, нарративной структуры текста. Маркеры заставляют пересмотреть читательские представления о надежности нарратора и ведут к необходимости ре-интерпретации текста, что становится ведущей стратегией чтения в условиях ненадежности нарратора. Эти наблюдения легли в основу третьего параграфа – **«Маркеры ненадежности нарратора»**.

На уровне вербализации наррации выявляются личностные черты ненадежного нарратора как персонифицированного свидетеля, отрефлексированные и потому поименованные в его нарративе: лживость, забывчивость, манипулятивность, предвзятость, эмоциональность. Сознательное искажение свидетельства красноречиво говорит о лживости нарратора. В вербализации наррации проявляется обман, вранье, дезинформация, неправда, фикция и вымысел. Продемонстрировать

постоянство этого маркера позволяет анализ повести А.П. Чехова «Драма на охоте». Зиновьев, нарратор вставного текста, признается в собственном вранье и обличает свою ложь, чтобы вызвать сочувствие воображаемого адресата: эта попытка исповедальности оборачивается манипуляцией. Манипулятивен парадоксалист в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского, что проявляется в конструировании собственного образа как несчастного, страдающего человека. Манипулятивность ненадежного нарратора проявляется в вербализации установки на истинность своего свидетельства. Ненадежный нарратор заявляет о собственной правдивости, подчеркивает значимость и объективность своего свидетельства. Причиной искажения повествования становится измененное состояние памяти, которое вербализует нарратор. Многие события в «Драме на охоте» А.П. Чехова описаны Зиновьевым, по его собственному признанию, неявно из-за измененной памяти. В «Бедных людях» Ф.М. Достоевского Варенька Доброселова помнит о своей травме, но не свидетельствует о ней. В «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского прошлое оказывается для нарратора травматичным, из-за чего многие события он не реконструировал в памяти, обходя их до сих пор с беспокойством. В рассказе Л.Н. Андреева «Мысль» Керженцев уделяет внимание не описанию эпизода убийства и своих мотивов, а самопрезентации. Обращаясь к экспертам, которые будут читать его исповедь, он заостряет внимание на пробелах в памяти и неспособности вербализовать свой опыт. Таким образом, несовершенство памяти как следствие рефлексии нарратора становится маркером ненадежности в случае, если в наррации это когнитивное качество им осознано и вербализовано.

На уровне наррации такими маркерами становятся пропуски нарративных эпизодов, отсутствие границы нарративного эпизода, моделирование и разыгрывание «возможных» сюжетов, метанарративность, изменение картины мира.

Пробелы в свидетельстве нарратора обнажают его узкий кругозор, что говорит о модальности мнения. В предисловии «От издателя» в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина значимыми оказываются пропуски событий из жизни Белкина во вставном письме ненарадковского помещика. Отсутствие границы нарративного эпизода особенно наглядно проявляется в эпизодах «необъявленного сна». В рассказе Л.Н. Толстого «Как дядя Семен рассказывал, что с ним в лесу было» нарратор повествует о происшествии в лесу: однажды он поехал за деревьями и сбился с дороги. На помощь ему приходят двое молодцев на тройке коней, однако эти сани несут седоков в пропасть. Заявленное былью оказывается сном, однако начало эпизода – момент засыпания – не раскрывает онирическую природу произошедшего. Ненадежный нарратор может опускать отдельные нарративные эпизоды. К примеру, Зиновьев, нарратор вставного текста «Из записок следователя» в «Драме на охоте» А.П. Чехова в своем нарративе изымает эпизод убийства Ольги.

Моделирование и разыгрывание «возможных» сюжетов влияет на коммуникативное событие: такие нарративные эпизоды опровергаются последующей наррацией. Подобные «возможные» сюжеты мы встречаем в отрывке А.С. Пушкина «Участь моя решена. Я женюсь...» (потенциальное будущее в случае отказа возлюбленной), ненадежной наррации Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (конструирование отъезда Грушницкого), «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского (две версии будущего Лизы), что делает «возможные» сюжеты ярким маркером ненадежности нарратора.

Значимым маркером оказывается метанарративность: слово «с оглядкой», диалогизация нарратива, самообличение, самооправдание. Постоянным маркером становится комментирование собственного письма – обращение к воображаемому адресату в попытке «отвоевать» свое произведение или вызвать сочувствие предполагаемого читателя («Записки

сумасшедшего» Н.В. Гоголя», «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, «Мысль» Л.Н. Андреева).

Еще один маркер на уровне наррации – изменение картины мира. Когда о новом событии рассказано иначе, не так как рассказывалось ранее, оно теряет признак релевантности, и это значимое изменение может свидетельствовать о ненадежности нарратора. Такое показательное изменение тона повествования происходит в дискурсе Зиновьева в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» во время расследования убийства.

На уровне нарративной истории принцип отбора событий может указывать на ненадежность нарратора. Так, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского обнажают кризис самоидентичности нарратора, который связан с конфликтом характера и личности. Парадоксалист не может найти твердые основания своей личности (первая часть) – и потому выстраивает свой нарратив («По поводу мокрого снега»), где конфигурирует эпизоды, связанные с попыткой найти свой характер – человек и общество (противостояние с офицером), межличностные отношения – человек и человек (парадоксалист и Лиза).

На уровне нарративной структуры маркерами становятся полисубъектность и паратекстуальность. Повествовательная структура строится на противоречивых дискурсах ненадежных нарраторов. Полисубъектная нарративная структура подчиняет паратекстуальные компоненты: предисловия, примечания и сноски, заглавия, вступающие в сложные диалогические отношения, вовлекают читателя в со-творчество. Разграничение маркеров ненадежности по четырем уровням позволяет выявить механизмы ненадежной наррации как специфической повествовательной практики.

Вторая глава посвящена типологии ненадежного нарратора. В первом параграфе **«Подходы к построению типологий ненадежного нарратора»** в результате анализа работ исследователей можно сделать вывод о том, что данные типологии построены на основании причин ненадежности нарратора.

Такие подходы не позволяют в полной степени проанализировать сферу дискурса в условиях ненадежности нарратора.

Во втором и третьем параграфах ненадежность нарратора разграничивается относительно референтного и коммуникативного событий. Во втором параграфе **«Ненадежность нарратора относительно референтного события»** показано, что ненадежность этого типа проявляется в утаивании подробностей протекания референтного события, в пропуске референтного события, в отказе вербализовать значимое событие, в описании ложного события. Основной нарративной фигурой, оформляющей ненадежность этого типа, становится паралипсис. В романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Варенька Доброселова не повествует о событиях в доме Анны Федоровны, лишь указывает на их травматичность, в рассказе Л.Н. Толстого «Как дядя Семен рассказывал, что с ним в лесу было» нарратором утаивается онирическая природа происходящего, в повести А.П. Чехова «Драме на охоте» Зиновьев в своем нарративе опускает событие убийства Ольги, а нарратор рассказа А.П. Чехова «Марья Ивановна» скрывает, что героиня нарисована на портрете.

Подобным текстам свойственна энигматическая нарративная интрига, связанная с разгадкой тайны. Референтное событие в условиях ненадежной наррации становится событием, о котором не рассказывается. Такое умалчиваемое событие «восстанавливается» с помощью знаков, указывающих на него: от графического выделения вплоть до упоминания пропущенного события в нарративе с отказом о нем повествовать. Таким образом, интрига слова оформляет энигматическую интригу, приближая читателя к разгадке тайны.

В третьем параграфе, **«Ненадежность нарратора относительно коммуникативного события»**, показано, что ненадежность этого типа связана с изменением события самого рассказывания – его усложнением или искажением.

Усложнение события рассказывания происходит в условиях полисубъектной нарративной структуры. В русской литературе примером такого текста выступают «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.» А.С. Пушкина, в которых дискурс ненадежного помещика противоречит дискурсу Белкина как фиктивного автора в «Выстреле». Сходным образом построен незаконченный «Роман в письмах» А.С. Пушкина, в котором письма героев обнаруживают их противоречивые свидетельства. Нарративная структура романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» построена на нарративах ненадежных нарраторов. Обнажение этого типа ненадежной наррации обозначено в заглавии рассказа Л.Н. Толстого «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой», где ненадежность оформляется благодаря столкновению точек зрения на событие. Подобное усложнение события самого рассказывания можно найти в текстах со сменой точки зрения. Ненадежность оформляется в случае, если объективная наррация оказывается субъективной. Это проявление ненадежности проанализировано Е.Ю. Моисеевой в романе И.А. Гончарова «Обломов».

Искажение коммуникативного события происходит в дискурсах ненадежных интерпретаторов. Такие нарраторы в силу определенных причин недостоверны в своих дискурсах. В подобных нарративах событие рассказывания искажается вследствие причин, которые «достраивает» читатель в своем сознании, сталкиваясь с подобными деформированными дискурсами. Причинами искажения свидетельства становятся: неспособность/неготовность к интерпретации референтных событий («Восстание машин» В.Я. Брюсова); психические особенности нарратора (Н.В. Гоголь «Записки сумасшедшего», «Мысль» Л.Н. Андреева, «Теперь, когда я проснулся» В.Я. Брюсова); физическая неполноценность (подобный случай проанализирован Г.А. Жиличевой на материале романа Л. Добычина «Город Эн»); малый возраст нарратора.

Ненадежность нарратора относительно коммуникативного события выдвигает на первый план интригу слова. Понимая ограниченность свидетельских возможностей нарратора, читатель стремится разобраться в причинах его ненадежности. Энигматическая интрига накладывается на интригу слова: тайной оказывается состояние нарратора, вызывающее усложнение или искажение его свидетельства.

В четвертом параграфе **«Формы ненадежной фокализации»** предлагается разграничивать три формы ненадежной фокализации благодаря анализу нарраториальной точки зрения (НТЗ) и персональной точки зрения (ПТЗ):

1) Повествование с НТЗ с переключением на ненадежную ПТЗ. Эта форма рассматривается на материале рассказа Л.Н. Толстого «Корней Васильев», где нарратор выбирает окончить интригу переключением на ПТЗ героини Марфы, которая не стала свидетелем духовного прозрения Корнея;

2) Повествование с ненадежной ПТЗ, которая опровергается объективной наррацией. Эту форму можно найти в рассказе А.П. Чехова «Учитель», в котором повествование ведется недиегетическим нарратором в поле зрения главного героя, учителя фабричной школы Федора Лукича Сысоева. Он сопротивляется слухам и домыслам о своей болезни. В финале рассказа переключение нарратора на позицию всеведения показывает заблуждение героя и его самообман. Таким образом, ненадежность фокализации маркируется переключением на нарраториальную точку зрения – позицию всеведения;

3) Совпадение ненадежной ПТЗ и НТЗ. Подобный случай можно найти в святочном рассказе Л.Н. Андреева «Что видела галка», в котором заглавие объясняет выбранную фокализацию. С помощью ненадежной фокализации оформляется интрига слова. Притчевая история о душевном перевороте рассказана как анекдот: случай, увиденный галкой. Однако повествование ведется всезнающим антропоморфным нарратором. Нарратор программирует читателя «снять» слой фокализации, увидев его дистанцированность и

ироничность. Крайняя степень этой формы ненадежной фокализации проявляется в «Двойнике» Ф.М. Достоевского. В этом тексте наблюдается слитность, тесная «спаянность» НТЗ и ПТЗ. Две версии произошедшего – сумасшествие героя и реальное явление двойника господина Голядкина – оказываются равновозможным.

В третьей главе **«Ненадежная наррация в структуре художественного целого»** ненадежная наррация изучается с точки зрения диахронического подхода. В русской литературе XIX века выделяются две тенденции ненадежности нарратора: первая зарождается в творчестве А.С. Пушкина, вторая – в творчестве Н.В. Гоголя.

В первом параграфе **«Художественные эксперименты в прозе А.С. Пушкина: ненадежная наррация»** на материале «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» и незаконченных текстов («Роман в письмах», «Участь моя решена. Я женюсь...», «История села Горюхина») исследуются черты ненадежной наррации: противоречивость и ограниченность свидетельства, наивность, подчеркнутая фикциональность нарраторов.

В «Романе в письмах» (1829) акцент смещен с референтных событий на коммуникативное событие. Значимые события «угадываются» из писем героев, в реконструкции истории принимает участие читатель. Интрига складывается не только из событий, которые описывают герои в своих письмах, но и из чередования самих писем. Волнение Лизы угадывается благодаря нарушению заведенного порядка («Лиза – Саше», «Ответ Саши»): не дожидаясь ответа подруги, она отправляет второе письмо, поскольку произошло событие встречи с Владимиром, что изменило привычный ход жизни. Меняет впечатление от рассказанной истории и включения точки зрения Владимира, которые подтверждают некоторые опасения Лизы и раскрывают личность героя в неприглядном свете. С помощью энигматической интриги «вскрываются» противоречия в свидетельстве нарраторов. К примеру, описанное Лизой бедственное положение сироты-воспитанницы оспаривается Сашей. Первое письмо Владимира другу

начинается с просьбы солгать о его состоянии из-за опасения «просрочить» долги, а его молчание о планах относительно Лизы показательно.

Имплицитный автор «Романа в письмах» использует ненадежную нарративную структуру на уровне вербализации нарратива (Лиза умалчивает о причинах отъезда) и на уровне нарративной структуры: интрига выстраивается благодаря переписке четырех молодых людей, письма которых меняют впечатление читателя от рассказанной истории. Новаторская форма переписки позволяет создать систему противоречивых дискурсов.

Еще одна попытка создать ненадежного рассказчика – отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830 г.). Ненадежная нарративная структура выстраивается благодаря чередованию нарративных эпизодов, опровергающих ранние свидетельства. Ярким маркером становится моделирование и разыгрывание «возможных» сюжетов. «Возможный» сюжет о потенциальном будущем нарратора в случае отказа Наденьки говорит о ненадежности его дискурса, поскольку он противоречит его ранним уверениям в любви к героине. Этот текст показывает выход А.С. Пушкина на вероятностную картину мира.

Имплицитный автор завершает «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в комическом духе. Его задача – обратить внимание читателя на фигуру вымышленного автора Белкина: «к историям охотник», Белкин становится сочинителем, «сконструированность», фикциональность которого подчеркнута имплицитным автором. Имплицитный автор «перебирает» варианты ограниченного знания: А.П., владеющий лишь рукописью, покойный Белкин, сведения о котором добыть невозможно, ненадежный помещик, пишущий биографию Белкина в модальности мнения, причем его свидетельство опровергается в тексте фиктивного имплицитного автора Белкина. Интрига слова сочетается с энигматической интригой: полисубъектная структура «обнажает» недостижимость истинного знания о Белкине.

В «Истории села Горюхина» (1830) А.С. Пушкин развивает вероятностную картину мира. Нарратор попадает в «точки бифуркации»: вся

его жизнь – череда случайностей, выбор осуществляется под влиянием обстоятельств. Основным средством ненадежности становится ирония в понимании А. Нюннинга: читатель осознает «зазор» между тем, что говорит нарратор, и тем, что подразумевает имплицитный автор. В тексте сочетается интрига слова наивного нарратора и энигматическая интрига, но тайной, которую желает открыть читатель, становится позиция имплицитного автора – позиция сатирического обличения.

Во втором параграфе **«Проблема эстетического завершения произведений с ненадежным нарратором (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)»** исследуется нарративное и эстетическое завершение произведений с ненадежными нарраторами, которых отличают разные этосы и модальности говорения.

Максим Максимыч не способен дать оценку действиям Печорина, что делает его нарратором, ограниченным в нарраториальных возможностях. Его повествование достоверное, так как он был свидетелем описанных событий, однако «судией» поступков Печорина он стать не может. В своей интерпретации героя он пытается положиться на оценку странствующего автора путевых записок.

Странствующий автор показывает себя ненадежным свидетелем, поскольку сочиняет эпизоды, свидетелем которых он быть не мог, а также оказывается ненадежным судьей, так как не может воспринять «метазнак» (термин В.И. Тюпы) в речи Печорина («Персия»), отсылающий к его желанию умереть. В предисловии к журналу он также показывает себя ненадежным нарратором: его слово проникнуто этосом желания реализоваться в качестве автора текста.

Печорин как нарратор ненадежен на уровне вербализации наррации (отказ от вербализации наррации, мнимые мотивировки свидетельства), на уровне наррации (изменение картины мира, моделирование «возможных» сюжетов).

В результате исследования установлено, что в использовании фигуры ненадежного нарратора М.Ю. Лермонтов следует традициям пушкинской прозы: многоуровневая нарративная организация, противоречивость дискурсов ненадежных рассказчиков, вероятностная картина мира нарратора.

На материале данного романа проанализировано многоступенчатое эстетическое завершение в условиях полисубъектной нарративной структуры, построенной на дискурсах ненадежных нарраторов. Печорин создает дневник (эпистолярная проза), принципиально не завершаемый, странствующий автор участвует в акте наррации, отбирая из его дневника события, относящиеся к пребыванию Печорина на Кавказе, тем самым осуществляя нарративное завершение текста, а первичный нарратор пишет предисловие ко всему романному целому, метатекстуально оценивая своего героя («портрет, составленный из пороков поколения»).

Многоступенчатое эстетическое завершение маркируется разными этосами и модальностями говорения. Если Печорина и издателя его журнала отличают этосы желания (обрести самоидентичность и стать автором соответственно), то весь роман пронизан этосом совести. Различны и модальности: Печорин, странствующий автор путевых записок и Максим Максимыч повествуют в модальности мнения, тогда как весь роман написан в модальности постигания человека своего времени.

В третьем параграфе **«Ненадежная наррация в эгонарративе»** исследуется вторая тенденция ненадежного нарратора – исповедальная. В повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» оформляются традиции ненадежного эгонарратива, которые впоследствии разрабатываются Ф.М. Достоевским в «Записках из подполья» и Л.Н. Толстым в «Записках сумасшедшего». Центральным ментальным референтным событием произведений этой линии ненадежности становится кризис самоидентичности нарратора.

В «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя безумие Поприщина прогрессирует из-за невозможности обрести свое я. Потеря устойчивого

знания о себе ведет к необходимости поиска новой идентичности – так в своем сознании он становится королем Испании. Его кризис идентичности связан с разладом между личностью и характером. В процессе создания нарратива происходит осознание собственного характера, в результате чего Поприщин отрекается от своей личности, что и ведет его к безумию.

Поприщин ненадежен и относительно референтных, и относительно коммуникативного события. С одной стороны, он описывает ложные референтные события, с другой – его дискурс показывает постепенное соскальзывание в безумие. Разрушение идентичности Поприщина сопровождается разрушением его дискурса. Поприщин ненадежен как свидетель и как судья: от неверной интерпретации и оценки его повествование приходит в абсурдный нарратив.

Ненадежность нарратора «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского проявляется в акте наррации: события, названные им «тем анекдотом», объединены идеей соперничества. Парадоксалист осуществляет акт наррации и конфигурацию интриги в попытке отстоять самоидентичность. Ярким маркером ненадежности оказывается паратекстуальность. Эпиграфом становится стихотворение Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...». Однако его цитирование прерывается нарратором. История с Лизой вызывает в памяти нарратора аналогичный литературный сюжет. Несоответствие дальнейшей истории некрасовскому стихотворению говорит об интенции парадоксалиста создать свой литературный образ и уложить жизнь в литературную схему. Нарратор разыгрывает игру с Лизой и, желая изменить некрасовский сюжет, присваивает себе роль рассказывающего повесть.

Несмотря на кризис самоидентичности, также становящийся центральным событием «Записок сумасшедшего» Л.Н. Толстого, механизм ненадежной наррации использован им иначе. Мотивировкой рассказывания истории становится внутреннее несогласие нарратора с проведенной медицинской экспертизой. Это событие ведет к написанию исповеди, в которой он стремится доказать свое сумасшествие. Нарратором движет

желание обрести самоидентичность. Он оказывается ненадежным судьей из-за ошибочного восприятия референтного ментального события: прозрение воспринимается как безумие. Имплицитный автор подчеркивает разрыв между нарраториальной точкой зрения и авторской: ошибочность нарратора имплицитным автором воспринимается как «прозрение», что демонстрирует явление «бессознательной» ненадежности (термин У. Бута).

В неклассической художественности эта тенденция будет продолжена Л.Н. Андреевым в рассказе «Мысль», который отличается сложной нарративной структурой: первичный нарратор обрамляет повествование ненадежного вторичного нарратора, вторгается в его текст, включая в текст исповеди записки «на клочках», предлагающие иную точку зрения на рассказанные события. Керженцев ненадежен и относительно референтных (сокрытие и утаивание событий), и относительно коммуникативного события (самоисправления, фрагментарность повествования).

В четвертом параграфе **«Проза А.П. Чехова как переходный этап к неклассической парадигме художественности»** исследуется проза А.П. Чехова с точки зрения ненадежности нарратора. Нарративная структура «Драмы на охоте» построена на противопоставлении дискурсов ненадежных нарраторов. Первичный ненадежный нарратор – редактор А.Ч., автор сцен, обрамляющих записки Камышева, – ошибается в своей интерпретации. Вторичный ненадежный нарратор – Зиновьев, желающий быть обличенным в совершении преступления. Чехов мастерски трансформирует детективную прозу, ведь роль сыщика занимает сам редактор записок Камышева. Свое расследование он осуществляет на полях рукописи.

Открытием Чехова в ненадежной наррации является метанарративность, благодаря чему в тексте появляются две энигматические интриги: первая связана с мнимым расследованием Зиновьева и ведет к обвинению невиновного Урбенина, вторая – с расследованием редактора А.Ч., которое осуществляется в примечаниях к рукописи Камышева. Зиновьев как нарратор, помимо энигматической детективной интриги,

сознательно в своем дискурсе формирует интригу слова, чтобы даже «средний» читатель дошел до разгадки, увидев несоответствия в его словах. А.Ч. воплощает собой эксплицитного читателя, извлекающего доказательства виновности Камышева из его текста.

На примере анализа рассказа «Марья Ивановна» показано, что тексты с ненадежным нарратором отличает интрига слова, которая метанарративно «обнажается» нарратором, благодаря разыгранной полемике эксплицитного нарратора, автора произведений, и эксплицитного читателя.

В пятом параграфе **«Ненадежные наррации в произведениях неклассической парадигмы художественности: постановка проблемы»** на материале творчества В.Я. Брюсова, М.А. Осоргина и М.А. Булгакова прослеживаются традиции ненадежной наррации, унаследованные писателями из русской литературы XIX века, а также показаны новые художественные эксперименты с этой формой повествования. Новеллы В.Я. Брюсова с ненадежным нарратором благодаря возможностям жанра построены на энигматической интриге: прием «необъявленного сна», эпистолярный дискурс ненадежного нарратора, подзаголовки, отсылающие к гоголевской традиции («Записки психопата», «Из архива психиатра»), столкновение точек зрения на одно событие («За себя или за другую?»). Его малая проза отражает «шаткость», «неустойчивость» идентичности нарраторов вплоть до потери самоидентичности. Многоуровневая нарративная структура со сложным эстетическим завершением, разработанная А.С. Пушкиным в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», выстраивается М.А. Булгаковым в романе «Записки покойника». Об ориентации на пушкинскую прозу говорит паратекстуальность: заглавие, предисловие от издателя. Метатекстуальность в условиях ненадежности освоена М. Осоргиным.

В **Заключении** обобщаются теоретические аспекты ненадежности нарратора – маркеры ненадежности, формы ненадежной фокализации, разграничение ненадежности относительно референтного и

коммуникативного событий, что и является результатом диссертационного исследования.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

В изданиях, относящихся к категориям К1 и К2:

1. Смоленская М.А. Ненадежность нарратора относительно референтного и коммуникативного событий // Новый филологический вестник. – 2025. – №3 (74). – С. 54-62.

2. Смоленская М.А. Ненадежная наррация в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Litera. – 2025. – №9. – С. 73-85.

В изданиях, относящихся к категории К3:

3. Смоленская М.А. Художественные эксперименты в прозе А.С. Пушкина: ненадежная наррация // Семиотические исследования. – 2025. – Т.5. №3. – С. 60-66.

В других изданиях:

4. Смоленская М.А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24. №1. – С. 78-86.

5. Смоленская М.А. Несовпадение внешней и внутренней точки зрения в тексте с ненадежным нарратором (на материале рассказа Л. Андреева «Мысль») // Сфера культуры. – 2024. – № 1(15). – С. 34-46.

6. Ильичева М.А. Специфика повествования в ситуации «ненадежного нарратора» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов, 2017. – Вып. 20, ч. I-III. – С. 184-187.

7. Ильичева М.А. Нарративные стратегии в романе К. Исигуро «Остаток дня» // Язык и репрезентация культурных кодов. VII Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых (Самара, 19 мая 2017 г.): Материалы и доклады. Часть II. / под общ. ред. А.А.

Безруковой. – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2017. – С. 123-126.

8. *Ильичева М.А.* Специфика нарративных стратегий в романах К. Исигуро // Материалы XLIII Самарской областной студенческой научной конференции: в 2 ч. Ч. II (гуманитарные науки). – Самара, 2017. – С. 44-46.

9. *Ильичева М.А.* Специфика нарратива в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня» // Язык. Речь. Культура: Материалы XII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности, 24, 25 мая 2017 г. – СПб.: СПбГИКиТ, 2017. – С. 31-35.

10. *Ильичева М.А.* Специфика «ненадежного» нарратора в романе Кадзуо Исигуро «Когда мы были сиротами» // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи. Материалы X ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 61-65.

11. *Ильичева М.А.* Эффект «обмана читательских ожиданий» в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» // Инновации в науке и практике: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. В 5 ч. Ч. 3. – Барнаул: Дендра, 2018. – С. 139-144.

12. *Ильичева М.А.* Ненадежный нарратор: зона формирования смыслов (на материале повестей и рассказов А.П. Чехова 80-х годов) // Материалы XLIV Самарской областной студенческой научной конференции: в 2 ч. Ч.2 (гуманитарные науки). – Самара, 2018. – С. 77-80.

13. *Ильичева М.А.* Категория «ненадежного» нарратора в творчестве В.Я. Брюсова // Материалы докладов XLV Самарской областной студенческой научной конференции: в 2 ч. Ч.2 (гуманитарные науки). – Самара, 2019. – С. 64-67.

14. *Ильичева М.А.* «Ненадежный» нарратор в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» // Русская литература и диалог культур в эпоху глобализации: Материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19, 20 октября 2018 г. / отв.

ред. Е.И. Лелис. – СПб.: СПбГИКит, 2019. – С. 101-105.

15. *Ильичева М.А.* Специфика точки зрения в произведении с «ненадежным» нарратором // *Материалы докладов XLVII Самарской областной студенческой научной конференции: в 2 ч. Ч.2 (гуманитарные науки).* – Самара, 2021. – С. 173-175.

16. *Смоленская М.А.* Проблема точки зрения в произведении с «ненадежным» нарратором (на материале повести В. Набокова «Соглядатай») // *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* – 2021. – Т. 23. – №79(1). – С. 151-154.

17. *Смоленская М.А.* Нарративные трансформации в фильме К. Нолана «Помни» (2000) // *Мир культуры глазами молодых исследователей: сборник тезисов XLVII научно-практической конференции студентов: в 2-х частях: 2 ч.* – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2022. – С. 411-414.

18. *Смоленская М.А.* Ненадежный фокализатор в рассказе Л.Н. Толстого «Корней Васильев» // *Язык. Культура. Личность: материалы Международной научной конференции молодых ученых, Самара, 15 декабря 2023 г.* – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. – С. 215-222.

19. *Смоленская М.А.* Паратекстуальность как маркер ненадежной наррации // *Теоретик. Юбиляр. Преподаватель. Автор: К 80-летию Валерия Игоревича Тюпы: сборник научных статей.* – М.: Эдитус, 2025. – С. 168-175.